

Если честно, без кокетства, я — среднестатистическая.

— **Особенно фамилия — Иванова...**

— Вот-вот. Подумываю о псевдониме. Помогите. Я даже заметила, что у нас в театре, например, если кто-то что-то сделает (машину купит, дачу построит), то для всех это — предмет восхищения. А когда я купила машину, то сказали: "Вон, уже Иванова купила, и нам надо". Потом собаку завела: "Слушайте, уже Иванова завела собаку, значит, можно". "Иванова родила второго ребенка. Ой, а мы-то что, хуже?" Между прочим, это я многих уговорила рожать по второму разу, а некоторых — по первому. У меня хобби знаете какое? Я сватать люблю. У меня даже есть удачные пары — 4 или даже 5.

— **Не дает вам покоя чужая свобода?**

— Не дает. Мне вот кажется, что все должны по земле ходить парами, чтобы поддерживали друг друга и обеспечили тылы. Мне вот хороший муж попался, надо, чтобы и другие чувствовали себя счастливыми.

— **Хотелось бы уточнить — попался или сами выбрали?**

— Не-ет. Я считаю, что браки создаются на небесах. Я должна сказать, что когда я впервые увидела своего мужа, то в тот же миг ощутила его предназначение. Вот и живем вместе 33 года. Как в "Сказке о рыбаке и рыбке" — 30 лет и 3 года.

— **Только старик в ней плохо кончил, если помните.**

— Почему плохо? Он рыбку золотую поймал. Это старуха была ненасытная. А со мной такого не может произойти, потому что я — минималистка, в жизни могу довольствоваться немногим, и лишнего мне не надо.

— **Но вернемся к делу, то есть к вашей профессии. Вы думали, что вам все время дают роли той самой среднестатистической тетеньки, которой вы себя считаете?**

— Да, думала. И вот поэтому я пишу песни и книги. Я сочиняю...

— **Очень прошу, только сначала ответьте на предыдущий вопрос.**

— Да я все время удивлялась: мне даже в молодости давали роли женщин старше меня. А уж как одну сыграла прилично, тут же другие тосыпались. А я очень люблю роли простых женщин. И всегда хочу их сделать трогательными, смешными. Но... обязательно должна отыскать в роли тот момент, когда "из лягушки получилась царевна". Вот, кажется, она живет обычно, замучена бытом, и ничего не происходит. Вдруг что-то случается в ее жизни. Как гроза! Как ливень! **(Волнуется.)** И такая любовь открывается, и глаза по-другому светятся. Даже если у нее нет любви по роли, тогда я ее, любовь, придумываю. Обязательно!

Например, у нас в "Современнике" шла комедия "Третье желание". Я играла с Валею Никулиным и Мишей Козаковым. Наша сценическая семья собралась и обсуждает третье желание, которое нашему сыну — Козакову — обещал выполнить волшебник. Спорят, кричат — что лучше попросить: машину или деньги. И вот тут моя героиня вспоминает (это моя любимая сцена), что когда она была маленькой, она влюбилась в мальчика, который предпочел ее подругу Маришку только потому, что в саду у Маришки груши росли вкуснее и больше. И вот эта пожилая женщина вдруг попросила, чтобы у нее в саду груши росли большие-пребольшие и чтобы этот мальчик вернулся. **(Плачет.)**

— **Такая давняя роль, а у вас слезы.**

— Это я ее заново проживаю. Что правда, то правда, самых главных ролей у меня не было. Но, слава Богу, я к этому спокойно относилась. Вот дали мне мою территорию, и я на ней плела "кружево". Я не хотела играть Анну Каренину или Джульетту. Какая ж я Каренина — посмотрите. **(Смеется.)**

— **А как вы определяете территорию Ивановой?**

— Ой, я считаю, что это большое поле, и в нем я люблю женщину-крестьянку, трудно и много работающую, какой моя бабушка была. Даже когда маленькая роль, можно сделать большую судьбу.

— **А никогда не хотелось на это поле вывести другой персонаж — асоциальный: бандершу, спекулянтку? Помните, какая замечательная Нюрка-хлебозерка была у Волчек в спектакле "Вечно живые"? А то вас все на постное тянет.**

— Нет. Это не постное, моя дорогая. Вот в спектакле "Спешийте делать добро" я играла миллионершу. Я человек сентиментальный, и эта роль мне трудно давалась, но жизнь помогала. Да-а-а уж — тяжелый случай в моей жизни. Долгое время я была председателем месткома (я всегда занималась общественной работой). Была первым секретарем парторганизации. Только не надо смеяться: в нашем театре парторганизация, чтобы вы знали, состояла только из хороших артистов — Ефремова, Табакова, Евстигнеева, Щербакова). Но дело не в этом, а в том, что, работая в месткоме, я "хлопотала" всем квартиры. Так вот. Одной молодой актрисе нужно было помочь с жилплощадью, и я ходила с ней по всем инстанциям вплоть до Верховного суда. И вот в этой организации, в одном кабинете, я увидела очень красивую женщину в сером стальном костюме и с таким же выражением глаз. **(Иванова разыгрывает сцену в трех лицах.)**

— **Вы кто? (Металл в голосе.)**

— Я истица.

— **А я дочка истицы. (Пищит еле слышно.)**

— А я председатель месткома.

— **Вы что хотите сказать? (Металл и равнодушие в голосе.)**

Выслушала нас.

— А теперь я скажу: вы никаких прав не имеете, и все.

Я от нее ушла раздавленная, как трамвай по мне проехал. Я поняла, что власть беспредельна. И вот я вышла на сцену и вдруг поймала себя на том, что говорю точно так же, как эта женщина: тихо и страшно. Даже Гафт удивился: "Старуха, как ты это?" А вот так...

— **И как часто жизнь преподносила такие подарки?**

— В "Крутом маршруте" у меня была очень

— **Как правило, женщина сочиняет от несчастной или неразделенной любви.**

— А как же... Очень давно я шла по улице Горького и горько плакала, извините за каламбур.

— **Что сделал этот негодяй?**

— Знаете, очень простая была история и, как выяснилось потом, даже ошибочная. Кто-то пошутил и от имени симпатичного мне человека назначил свидание на Пушкинской площади. А он-то как раз не пришел, потому что не знал. Я прождала час, два. Не могла поверить, что он меня обидел, обманул. Как сейчас помню, я шла по улице и плакала от обиды. Было такое

ПРОСТО ЖЕНЩИНА,

Моск. комсомолец - 1996. -
16 марта - с. 2.

У нее редкая русская фамилия. Ее не сразу

узнают на улице, и

даже когда она

признается, что

играет в театре и

снимается в кино

(более 40 картин),

сердитые тетеньки ей

выговаривают:

"Женщина, как не

стыдно врать". Они,

упертые в жизненную

чернуху и оттого

сердитые, никак не

возьмут в толк, что

непохожесть на

артистку — лучший

комплимент для нее.



Людмила Иванова.

ПРОСТО ЛЮБЛЮ



"А теперь переходим к этюдам".

маленькая, простая ролька. Моя героиня говорила: "Разве я трахистка? (Так она называла троцкистов.) У нас стариков на трактора не допускают". И все... Хотелось большего. А в это время на репетиции приглашались репрессированные женщины, и среди них была жена Блюхера. Вот она рассказала удивительную историю одной деревенской женщины, которая сидела с ней в лагере. Когда эту крестьянку забирали, ее малолетнюю дочку заперли в доме, чтобы не бежала за матерью и не плакала. Тогда дочка стала биться головой о стекло, разбила его, выскочила и вся в крови побежала за матерью по деревне. Я попросила разрешения включить эту историю в свой монолог. Роль совсем другая получилась — непроходная. Так я дописала себе роль.

— **То есть, насколько я понимаю, слово всегда просилось наружу...**

— Да. Вот сейчас у меня только пять спектаклей, а мне-то кажется, что во мне больше "сидит". Поэтому я и сочиняю песни.

высокое духовное напряжение, что у меня сама собой сложилась песня. Прямо с музыкой. И вот, пока я шла от Пушкинской до Белорусского вокзала, вся обида растаяла. Эту песню потом пели в электричках.

Бесконечной тоскою охваченна,
Я бреду по вечерней Москве.

То ли дождь идет, то ли плачу я,
И все думаю я о тебе.

Прохожу я по Горьковской улице,
А глазами тебя все ищу,

Я не глупая, я не умица,
Просто женщина, просто люблю.

— **Красиво. А объект знал, что ему посвящена песня?**

— Нет, я ему не сказала... А потом у нас в театре делали спектакль "Пять вечеров". Трудно представить более красивую историю о любви. В спектакле играли Ефремов — Толмачева (взрослая пара) и пара молодых: Табаков — Дорошина. Женя Евстигнеев сказал мне: "Слушай, ты все стишки в стенгазету пишешь, напиши нам песню". Музыка уже была, и я написала: "Уехал милый в дальний край, да только меня не взял..." **(Поет высоким голосом...)** Какой это был спектакль! Боже мой! Пронзительный, как рассвет. Как только закрыли занавес, я помчалась за кулисы. От полноты чувств слов не было, и я сорвала с себя сережки и подарила их Лиле Толмачевой. Но пока снимала, сломала застежку. Так она их ни разу и не надела.

Ефремов верил в то, что я могу писать песни, и просил меня написать к постановкам "Два цвета", "Продолжение легенды", а потом при-

шел композитор Колмановский со своим поэтом, и я больше не сочиняла для "Современника". Но ширилось бардовское движение, которое меня увлекло.

А между прочим, мои песни мирят людей. Однажды драматург Владимир Гуркин насмерть разругался со своей невестой. Они даже решили разойтись. Грустно сидели на скамейке — и вдруг по радио услышали мою песню "Может быть". Как рассказывает Гуркин, произошло невероятное: они вытерли слезы, взялись за руки и пошли в загс.

— **Ну, а вам, автору, кроме гонорара, песни что-то приносят?**

— Я считаю, что удачу. У меня был жуткий период в жизни, когда один за одним умерли родители, я заболела туберкулезом, и казалось, что жизнь кончена. И вот однажды в театральном кружке физмата (физики тогда ударились в лирику) я обратила внимание на Валеру Милеева, который был странный, как вещь в себе. Он пригласил меня кататься на лыжах, взял гитару и сказал: "У меня есть одна песня любимая, ее Ада Якушева написала". И поет, понимаешь, мне "Улицу Горького".

— Как Ада! Как... А-а-а... Это же моя песня. Я чуть не заревела. Такие чудеса бываю. Теперь мы вместе мучаемся над текстами.

— **Как работает семейный подряд Ивановых?**

— Мы по отдельности работаем. Я пишу женские номера. Валерий — мужские. Так написали либретто к спектаклю "Доходное место". Был случай, когда к одной телевизионной передаче о войне из двух представленных нами песен они выбрали почему-то мою. Обиделась я: его песня была в тысячу раз лучше. Мы вообще с ним никогда не ссоримся. Он настолько умный человек, что я все безоговорочно принимаю. Он в жизни не выругался матом. И когда на актерских капустниках кто-то себе подобное позволит, он встает и уходит через зал.

— **Скажите, Людмила Ивановна, актриса Иванова была когда-нибудь в простом?**

— У меня работы всегда было больше, чем я могла сделать. Вела драмкружки, работала с эстрадными певцами, репетировала в театре, снималась, сочиняла.

— **А что заставило вас в таком случае завести еще одну головную боль — театр "Экспромт"?**

— А из протеста. Несколько лет назад я преподавала в ГИТИСе. И когда я пришла туда, мы решили для второго курса сделать сразу большую работу. Детская сказка — это самое лучшее, что могло быть, и мы написали музыкальную сказку "Крошечка-хаврошечка" (музыка Владимира Фридмана, режиссер Жанна Тертерян). В ней для каждого студента выписали выходные арии. Нас поддержали, особенно Борис Покровский, который в то время руководил отделением музыкальной комедии. И вдруг сменилось руководство, которое сообщило, что мы с нашим мюзиклом не нужны. "Что же я это буду терпеть, — подумала я. — Я свой театр сделаю. Там я буду писать, ставить и играть". Пошла и зарегистрировала "Экспромт".

— **Это в вашем характере? Никогда бы не подумала.**

— Нет, неприятности мне никогда крыльев не обрезают. Наоборот. Если давят, я начинаю сквозь асфальт прорастать, только в другом месте. Роли не дают — я в кино снимаюсь. Не снимаюсь — пишу песни. Так вот, о театре. Я в то время была депутатом в Бауманском районе.

— **Председатель парткома, месткома, депутат... Однако какая бурная деятельность!**

— Да. И программа у меня была — культурный досуг населения. Детский театр — разве плохое дело? Я подумала, что в райкоме великокопный зал простаивает от конференции до конференции. Здесь и надо играть спектакли для детей. Теперь по субботам и воскресеньям мы играем "Снегурочку" и "Царя Салтана". А агитпункт в районе я превратила в маленький театрик: здесь у нас идет чудная сказка под музыку Грига.

— **Актриса стала начальником. Каковы ощущения?**

— Да не начальник я. Просто у меня хороший аппарат работает, прекрасный директор. У меня азарт есть. Если я вижу: что-то можно сделать, — отчего не сделать?

— **С такими задатками надо выдвигать свою кандидатуру в президенты.**

— Нет. Лучше уж песни писать. Или детей учить. При нашем театре работает бесплатная детская студия. Ребята занимаются танцем, актерским мастерством и вокалом. Уже немножко играют в спектаклях. Актерское мастерство веду я и каждый раз вижу, что, если с детьми заниматься, такие таланты можно обнаружить! Перед спектаклем я обожаю поговорить с детьми, спросить, какие книжки они читают...

Наверное, вам кажется, что я сумасшедшая?

— **Что вы, нисколько. Я восхищаюсь неумением вашей энергии и не удивлюсь, если узнаю, что вы закрутили новое дело.**

— А вот я сейчас и подумываю, что бы мне такое открыть, организовать. Недавно я была в Фонде милосердия и увидела там роскошный зал. Прежде здесь балы устраивали.

— У вас здесь что-нибудь происходит? — спросила я.

— Нет, — ответили.

— Так будет...

Марина РАЙКИНА.
Фото Михаила ГУТЕРМАНА.